Классика научной мысли

Луман Никлас (1927—1998) — немецкий социолог и юрист. В 1960–1961 гг. — стажёр Гарвардского университета, впоследствии — руководитель отдела Исследовательского центра по социальным наукам в Дортмунде, в 1968–1993 гг. — профессор общей социологии и социологии права в Билефельдском университете. Его концепция представляет собой редкое сочетание универсальной социологической теории и специальных исследований по теории права и политологии. Разделяя научные взгляды нейробиологов на природу живых и социальных систем, в своих работах применял концепцию «аутопойезиса». По Луману, органические, психические и социальные системы относятся к разряду аутопойетических, т.е. самопроизводящихся.

Наиболее обширной социальной системой является общество, которое как современное "мировое общество" охватывает все возможные коммуникации. Психическая система человека и социальные системы не пересекаются друг с другом. Коммуникации дифференцированы не только относительно органических и психических систем, но и между собой. Общество дифференцировано на частные системы, специализированные на выполнении определённых функций. Таковы политика, хозяйство, воспитание, наука, религия. Все частные системы также аутопойетичны и самореферентны, т. е. замкнуты относительно других систем. Важнейшие области коммуникации в обществе ориентированы на разные бинарные коды.

Концепция Лумана в последнее десятилетие привлекает все большее внимание во всем мире. Ученый предлагает отойти от привычных политических дихотомий, обнаруживших свою бесплодность в XX в., отбросить устаревшие способы описания социальности и обратить внимание на подлинные проблемы современности.

© Подготовил Жовтун Д. Т., 2012

Луман Никлас

От полицейского государства к правовому государству[1]

С тех пор как юриспруденция утвердилась в качестве науки, интерпретирующей позитивное право, она почти не поддерживает отношений с наукой о хозяйстве и социальной наукой и живёт как бы на острове. Кажется, что вести себя таким образом позволяет ей сама конституция её обособленного предмета. В результате, когда в юридической аргументации используются понятия «цель» и «средство», часто обнаруживается поразительная наивность (например, в сравнении с утончённостью экономических теорий решения). Мы постоянно встречаем здесь высказывания вроде того, что средства должны соответствовать целям, т. е. такие правила решения, в которых прямо-таки черным по белому записано, сколь они непродуманны, и, кажется, скорее возвещают о добрых намерениях, чем служат определенным руководством [к действию].

С другой стороны, и все остальные науки о действии почти не учитывают то обстоятельство, что в юридическом понимании и оформлении государственности, прежде всего в том, что касается перехода от так называемого полицейского государства к правовому государству, заключен крайне поучительный опыт постижения границ целевой рациональности. К тому же этот опыт связан с превращением политического порядка в относительно автономную частную систему общества, т. е. систему изготовления обязательных решений, и вдвойне ценен потому, что границы целевой рациональности переживаются и перерабатываются здесь в процессе образования системы.

В этической традиции естественного права само собой разумелось, что правовые нормы сопряжены с целенаправленным человеческим действованием и должны поощрять своими санкциями цели хорошие и подавлять дурные. Право входило в этику. Этому общему формальному принуждению были подчинены также и права и обязанности господина, их нельзя было представить себе иначе. Однако, в сущности, это мышление предполагало социальный порядок, в котором собственно политические роли не были выделены через дифференциацию, но выполнялись вместе с важными религиозными, хозяйственными, семейными, воспитательными, военными, юрисдикционными, культурными ролями. Лишь при наличии такой предпосылки цели могли выполнить свою двойную функцию: и интегрировать связь дей-

---

[1] Печатается по: *Луман Никлас*. От полицейского государства к правовому государству // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др. ; Ред.-науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. — М. : Мысль, 1997. — С. 738 — 747.

ствий в единство, и оправдывать её. По существу функционально диффузная ролевая структура была во всяком случае в более ранних обществах условием социальной стабильности. Все попытки структурно вычленить политическую функцию решения проблемы, выводя ее тем самым из-под влияния неполитических ролевых аспектов и делая при этом относительно автономной, сопровождались постоянными кризисами, как показал в своем фундаментальном исследовании исторических бюрократических империй С. Айзенштадт. Они оказывались в конфликте с традиционными силами своей страны, и тем не менее им была необходима легитимация в традиционных категориях и ценностях. Лишь национальным государствам в начале Нового времени удалось перейти к более дифференцированному общему порядку, поскольку одновременно теологически интерпретированная религия и денежное хозяйство развились в относительно замкнутые частные системы общества и, таким образом, оказались в состоянии ограничить и специфицировать свою взаимозависимость с политической системой.

Этот процесс, который берет начало в позднее средневековье и, как никогда прежде, изолирует политическое действование, заставляя его тем самым обнаружить свою проблематичность, [стать] зримым и нуждающимся в контроле, сопровождается бдительной и осознанной интерпретацией. Поначалу она остается в общих границах естественного права, однако основательно меняет его содержание. Теперь, согласно картезианскому повороту мысли, то, что предзадано как природа, есть человеческий разум, самое себя удостоверяющее руководство сознания. К тому же оказывается необходимым учитывать новую политическую реальность. Прежние понятия домохозяйства, связанные с управлением земельными владениями, преобразуются в понятия государственно-политические. Прежняя функция князя как умиротворителя, гарантирующего «pax et tranquillitas»[1], через едва различимые переходы формализуется, превращаясь в ответственность за существование [государства] (Bestandsverantwortung), которая находит своё выражение в новой формуле: «государственный интерес» (Staatsrason). Оказалось, что эта формула способна стимулировать и оплодотворять стратегию развития и сохранения власти, вырабатываемую новой политической наукой, и в свою очередь получать от нее такие же импульсы. Цель по-прежнему определяется якобы как общее благо, которое ставится выше существования государства, но на принятие решений это уже не влияет, ибо промежуточное средство — сохранение государства — до такой степени обобщается, что, кажется, оправдывает любое средство более низкого порядка, в особенности если приходится указывать на то, что для сохранения целого должны быть сохранены и его «части». Практически при таком определении цели речь уже идет не об ее ограничении, а, напротив, о расширении заинтересованности в существовании, о распространении этого интереса на все, что важно для публичных нужд. Это

[1] мир и спокойствие (лат.).

требование затем снабжается ярлычком: «государственная необходимость». Мы сталкиваемся здесь с уже затронутой выше проблемой встраивания формулы «сохранение существования» в [схему] оправдания средств целями. [...]

Последнюю серьёзную попытку решить эту проблему в унисон с духовными силами эпохи мы находим в формуле романтиков, говорящей о государстве как «самоцели». Опасность, которую прежде пытались предотвратить малыми и недостаточными средствами, она обращает в нечто позитивное: «Я так хочу». Это сводится к мистическому слиянию формулы цели и формулы существования, и если такое слияние вообще воспринимается как парадокс, то и пенится именно как таковой. Ее разложение вывело на передний план юридический позитивизм, которым и поныне страдает немецкое государственное мышление. С тех пор уже нет теорий, говорящих о государственной цели, которые можно было бы принимать всерьез. Это относится и к последовательному юристу Кельзену, и к социологу Максу Веберу, хотя нет недостатка в попытках найти замену данной формуле.

Проблемы этого развития нельзя вывести только из неопределенности формулы цели. Они возникают только потому, что эту формулу приходится прилагать к политической системе, которая выделилась в ходе дифференциации общества. Социальная дифференциация делает сомнительной прежнюю взаимосвязь между созданием единства (образованием системы) и оправданием [действия] в понятии цели. Все способы выхода из затруднения, берущие начало в традиционном мышлении и усиленно, как бы в осознании их тщетности, предлагавшиеся в XVI — XVIII вв., а именно: добродетель князя как политическое требование, институционализация деятельности советников, тщательное воспитание принцев, введение моральных принципов в практику управления посредством обучения и надзора, как это примечательным образом подчёркивается в сочинениях камералистов, и даже особое акцентирование государственной цели как формулы ограничения, обнаруживающееся впервые, видимо, у Пюттера, — все эти решения не затрагивают существо проблемы. [А самое основное здесь состоит в том], что именно тогда, когда политическая система высвобождается из пут общества и становится самостоятельной, чистая целевая рациональность как единственная форма программы оказывается непригодной. Ориентация этой частной системы общества теперь должна быть соотнесена с ее окружающим миром и обрести столь сложную институционализацию, что ни с каузальной, ни с ценностной точки зрения эту ориентацию уже нельзя, подвести под крышу какой-либо формулы цели. Требуется новое мышление, продумывание политической системы как системы. Такие попытки предпринимаются, во-первых, используя учение о разделении властей, в стремлении смирить систему ее собственным внутренним устройством; во-вторых, представляя государство как правовое государство, когда его стремятся ограничить внешними рамками, в особенности путем запрета на его вторжение в субъективные права; наконец, в са-

мое последнее время,— используя социологически ориентированные теории «политической системы». […]

Мы не можем здесь далее прослеживать формирование идеи правового государства, указывая на то, что еще не имеет окончательного характера или является политически неадекватным. Для этого потребовалось бы специальное исследование. […] Зато к нашей теме («границы целевой рациональности») прямо относится весьма примечательное для описанного развития наблюдение: с переходом к правовому государству ориентация на цель и средства теряет свою непосредственную релевантность; возникающее административное право (Verwaltungsrecht) пренебрегает ею и не подводит под свою юрисдикцию, но отводит ей место в «области того, что оставлено на усмотрение»[1] к которой относятся недоверчиво и которая постоянно сужается.

Прежде всего, правовую легитимацию утрачивает «свойственный полицейскому государству способ делать выводы», заключая от цели к оправданию средства, т. е. то, что составляет сердцевину целевой рациональности, ее функция нейтрализации.

Этот способ теряет способность правовым образом обосновывать действование. Однако перенастройка происходит удивительно медленно. Старое правило права — «ius ad finem dat ius ad media»[2] — было столь прочно закреплено в структуре права и составе норм, что казалось самоочевидным даже либеральному государственно-правовому мышлению. Закреплено оно было отчасти в законах, отчасти же было неизбежным просто потому, что предполагалось в конструкции права, а позитивных норм, которые могли бы занять его место, не имелось. […] Но [более подробное] рассмотрение не в последнюю очередь демонстрирует также уже отмеченную выше неясность в юридическом использовании схемы «цель — средства». Её функциональную структуру не понимают. Цель рассматривают как основание для оправдания средства; возможность же выбора среди многих средств и вообще ориентация среди альтернатив, которой кладет начало каузальная интерпретация действования (а ведь именно эта проблема действительно нуждается в регуляции), трактуется как исключительный случай, для которого ищут дополнительные правила решения. К тому же нельзя делать вывод о применении неразрешенных средств, потому что цели, которых можно достичь только неразрешенными средствами, не могут быть обязательными в правовом смысле. Итак, то, что должно быть доказано при помощи вывода, для пущей надежности предполагается уже заранее: речь идет о замаскированной тавтологии, которая служит только обоснованию уже принятых решений.

---

[1] Речь идет о том, что не регулируется непосредственно законами, но «оставлено на усмотрение", например, судьи.

[2] право на цель дает право на средство (лат.).

Именно этот скрыто тавтологический характер делает это правило очевидным и препятствует тому, чтобы вывод от цели к средству был дискредитирован одновременно с критикой полицейского государства. В сущности это правило никогда не подвергалось деструкции ни путем прояснения его смысла, ни путем опровержения; оно утратило свою функцию вследствие изменений во всем юридическом мышлении и перестройки правопорядка в области общественного права. Масштабы прежних норм, относившихся к задачам, практически резко уменьшились, превратившись в нормы, относящиеся к компетенциям. Применительно к этим последним «свойственный полицейскому государству способ делать выводы» нужен лишь в ослабленной форме, т. е. в такой интерпретации компетенций, при которой они не оказываются иллюзорными, но могут исполняться. В остальном государственные органы наделяются необходимыми, вполне конкретными средствами и при спрограммированных условиях. [Среди этих средств можно назвать] права вмешательства, денежные суммы или возможности принимать решения, которые хотя и не нарушают никаких прав, но изменяют соотношения интересов.

Совершенно очевидно, что это обращение к условиям действия должно было вызвать резкое возрастание количества норм в публичном праве. Не только умножение тех задач, которые очень просто было бы решить так, как это принято в полицейском государстве, но в гораздо большей степени то обстоятельство, что эти задачи программируются юридически, стало поводом для бурного законотворчества, часто вызывавшего нарекания.

Юристу не следует пытаться свалить «вину» за это на политика, потому что непосредственной причиной здесь выступает своеобразие его собственной (юриста) техники рассмотрения проблем, неспособность ввести в область юрисдикции отношение цели и средства как таковое.

Изменения в правовом мышлении связаны с упадком естественного права и позитивизацией права со стороны государства как принимающей решения организации. Эти изменения можно выразить следующей формулой: в наше время правомерность действий государства уже можно представить себе только как «кондициональное программирование». Правовая норма принимает форму правила: «если — то». Она связывает состав деяния и правовые последствия в инвариантное соотношение. Таким образом она регулирует специфические условия, в которых допустим или считается необходимым управленческий акт. Это представление о праве столь сильно влияет на ожидания-установки (Erwartungshaltung) современного юриста-управленца, что ему ретроспективно полицейское государство кажется государством без публичного права. […]

Характерно, что ныне, когда речь заходит о целях и средствах, юрист сразу же начинает думать о «злоупотреблениях». В этом сказывается то, что он не может ни задействовать, ни принять подлинную функцию цели: ценностную нейтрализацию последствий. Правовая допустимость действий го-

сударства ставится в зависимость от определяемых в общем виде «составов деяния», при наличии которых начинает действовать программа. В отличие от того, как поступали в рамках целевой рациональности, здесь к реальности приближаются не путем эвристического выяснения имеющихся альтернатив, но через все большее уточнение, дифференциацию и более тонкое определение [того, о каких] составах деяния [идет речь] , а также благодаря гибкому мышлению в категориях правил и исключений. Подлинно эвристичный принцип каузальной интерпретации действования и процесс нейтрализации ценностей целеполаганием находятся вне права. Такая ориентация при определенных условиях допускается в области управления, «на усмотрение» которого оставлены некоторые решения,— области, рассматриваемой как свободное, неотрегулированное пространство.

Теперь, наверное, уже ясно, что извлечь отсюда уроки для трактовки нашей общей темы, а именно функции цели, нам удастся, если мы отрешимся от господствующей юридической постановки проблемы и попытаемся понять различие между целевыми программами и кондициональными программами как различие функций системы. Я уже показал в другом месте более подробно, что обе формы программ соотносятся с разными границами системы управления и именно поэтому они теснейшим образом взаимосвязаны. Управление можно понимать как систему переработки информации. Оно воспринимает информацию своего окружающего мира на входе, перерабатывает ее и выдает обратно в окружающий мир в форме «решения». Кондициональная программа фиксирует вход в систему, тот род информации со стороны окружающего мира, которая в качестве причины должна вызвать решение; целевая программа упорядочивает выброси со стороны системы, результат в окружающем мире, который должна вызвать система. Конечно, целевая программа предполагает также, что в окружающем мире [бывают] поводы, по которым она начинает действовать, однако в этом аспекте она оставляет системе относительную свободу. Конечно, и кондициональная программа ведет к решениям, которые вызывают результаты в окружающем мире, однако в этом отношении она оставляет системе свободу, иными словами, система для своего .оправдания не. нуждается в том, чтобы в окружающем мире были достигнуты какие-то конкретные результаты, чтобы конкретные состояния были изменены или оставлены без изменений; достаточно здесь и того, что решение принимаются в соответствии с нормами.

Другой аспект различения целевых программ и кондициональных программ заслуживает особого внимания. Дело в том, что именно это особое различение отнюдь не нейтрально в том отношении, какой конкретно окружающий мир будет подвергнут воздействию управления и на каком уровне генерализации будет осуществляться это воздействие. Иначе говоря, каждая форма программы дает различные шансы влияния различным окружающим мирам государственной бюрократии. Кондициональные программы, во вся-

ком случае по идее, фиксированы как алгоритмы, т. е. независимы от того, кто принимает решение. Тем самым они всякий раз поощряют особенно заинтересованную часть публики, в то время как целевые программы позволяют влиять на решение также и политику, и тому, кто принимает решения. Дело в том, что в кондициональных программах правовое следствие прочно привязано к составу деяния, т. е. решение как целое или в отдельных своих аспектах может быть вызвано тем, кто соответствующим образом может информировать управление; в случае целевых программ сама цель может поощрять особые интересы, но выбор средств нейтрализуется целью, т. е. не фиксируется ею, так что здесь политические соображения или предпочтения того, кто принимает решение, могут соответствующим образом окрасить отдельное решение. Предпочтение одной или другой формы программы оказывается поэтому механизмом общего уравновешивания системы управления, его приспособления к распределению давления, исходящего от окружающего мира. В рамках этого механизма принимаются решения о власти и статусе членов управления, здесь система реагирует на эффективность политических процессов. [Именно] здесь закладываются предварительные условия для возможной централизации политического действования, потому что в случае целевых программ политика легитимным образом может влиять на отдельные решения, а в случае кондициональных программ — только на само программирование, централизованное полагание права (Rechtssetzung). Выбор формы программы есть, следовательно, в то же время и определение уровня генерализации, на котором политика и управление могут соприкасаться и стабилизировать свою взаимозависимость. […]

В правовом государстве пробивает себе дорогу понимание того, что принимающая решения государственная бюрократия должна быть в принципе программирована не на одной, а на обеих временных границах системы, как на «входе», так и на «выходе»[1]. Это имеет силу, правда, не в отношении каждого отдельного решения в равной мере, но, пожалуй, [может быть сказано] в самом общем виде о стабилизации системы как таковой. Программирование решений т. е. в конечном счете структуры системы, должно относиться не к одной, а к обеим границам, пытаясь удержать их в одном и том же состоянии, если система должна быть сохранена как целое. Должны быть использованы, применены, а в случае необходимости осмысленно комбинированы и включены одна в другую как целевые программы, так и кондициональные программы, в зависимости от тех проблем, которые ставит окружающий мир. Независимость системы управления от окружающего мира, ее автономия в обществе во многом основывается на том, что она может выбирать между этими двумя формами программ, т. е. между двумя видами зависимости, и, судя по тому, как политика отфильтрует давление окружающего

[1] Луман использует здесь кибернетические термины: «Input" и «Output".

мира, система управления допускает, чтобы над ней в большей мере господствовали причины либо результаты ее действий.

Поэтому автономия системы не может пониматься просто как автономия целеполагания. Она заключается в относительной автономии самопрограммирования в обеих формах — в позитивизации как целевых, так и кондициональных программ[1].

Не какая-то заданная цель, но структура системы (а в системах решений это прежде всего совокупность программ решений) является стабилизирующим законом системообразования. Такая частная система общества, как политика, никогда не сможет быть автономной в том смысле, что только она влияет на окружающий мир, а сама не испытывает его воздействий. Автономию нельзя понимать в категориях причинности как беспричинную спонтанность, ее следует рассматривать только с точки зрения структуры системы как самопрограммирование [системы]. Автономия состоит в том, что система благодаря своим собственным программам оказывается в состоянии на обеих своих границах, как в отношении причин, так и в отношении результатов своих действий, воспринимать информацию окружающего мира и избирательно перерабатывать ее.

С точки зрения политической в этом находит свое подтверждение тот факт, что «абсолютная» власть становится фикцией, потому что власть может выстраиваться только во взаимно соотнесенных, обоюдно мотивированных процессах коммуникации. Кто хочет получить власть, тот должен открыть себя влиянию. Попытки стабилизировать политическую частную систему общества как абсолютное господство только при помощи целевых программ потерпели крах вместе с крахом полицейского государства. Правовое государство тоже было односторонним, хотя и в противоположном смысле, и равным образом оказалось проблематичным. Формула «правовое и социальное государство», кажется, прокладывает путь попыткам достичь баланса между кондициональными и целевыми программами, который, судя по всему, наилучшим образом соответствует своеобразию политической системы как частной системы общества, функция которой состоит в том, чтобы решать проблемы обязательным образом. […]

Соответственно теоретическая критика и упадок учения о целях государства не должны вести к предположению, будто в области политической системы целевая ориентация непригодна или потеряла значение. Такое заключение было бы совершенно ошибочным. Речь идет только о том, что политическая система уже не определяется общественно заданными целями, которые считаются истинными (и потому инвариантными), но что она в своем целеполагании стала автономной в обществе. Не только право, но и целевые задачи политической системы стали в этом смысле позитивными: они

[1] Позитивность Луман здесь понимает в юридическом смысле, как зависимость от решения.

определяются программирующими решениями, которые должны приниматься в самой политической системе.

Политическая система, а вместе с ней и само общество обрели на этом пути новые возможности изменчивости и достигли в целом более высокого уровня сложности. Именно поэтому теория политической системы уже не может оставаться телеологической теорией политического общества, привязанной к заданным истинным целям; напротив, она должна быть преобразована в теорию систем, которая будет способна предложить и для всех программированных, и для всех программирующих решений, т.е. и для правополагания, и для целеполагания, категориальную систему координат более высокой сложности.